

РИТУАЛ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЫ (VI–XV в.)

Направления изучения средневекового менталитета достаточно многообразны в настоящее время. Их можно свести к трем основным подходам.

Первый подход направлен на выявление скрытых, до конца не осознаваемых представлений людей средневековья об окружающем мире и человеке в нем. При этом рассматриваются определенного рода письменные памятники и данные изобразительного искусства, подвергаемые особой процедуре анализа, «допрашивания». Среди современных российских представителей данного направления можно назвать А.Я. Гуревича, Ю.Л. Бессмертного и др., из зарубежных — это французская «Новая историческая наука».

Второй подход — традиционный, изучение взглядов на те или иные аспекты мира, выработанные ученой культурой средневековья. В качестве примера отметим работы М.А. Барга.

Третий подход — это приближение к средневековому менталитету через описание внешних примет быта, празднеств, костюма, опираясь, в значительной степени, на иконографические памятники и другие данные материальной культуры. К данному направлению причислим работы А.Л. Ястребицкой, В.П. Даркевича и некоторых других.

Для исследования такой стороны средневекового менталитета как представления об обычном, допустимом поведении в ходе военных действий нами применяется метод психологического моделирования. Его сущность — выделение инвариантов человеческой психики (в нашем случае — тревожность) на основе данных психологии, построение на этой базе поведенческой модели, наложение модели на заранее оговоренный фактографический массив для выявления предсказанных данных.

Построенная на основе данных психологии и этнографических параллелей модель гласит, что поскольку средневековое мышление характеризуется высокой аффектированностью и тревожностью, психологическая напряженность не всегда может быть снята внешними «техническими» методами. В этом случае включается психологиче-

ский механизм ритуализации. Под ритуализацией понимается активная деятельность сознания по духовному (идеальному) упорядочению мира, с целью снятия психологической напряженности и овладения им. Ее результаты внешне проявляются как ритуал — система упорядоченных действий или динамический стереотип. Снимая (в той или иной степени) тревожность, это делает человека способным к принятию поведенческих решений. Ритуализирующее мировосприятие должно действовать и в сфере воинского сознания, обнаруживая примеры упорядоченности поведения, отличающиеся от чисто внешней, «технической», т. е. военно-тактической упорядоченности. Упорядоченность как следствие ритуализации должна выявляться при ее расхождении с «технической» упорядоченностью.

Фактографический массив представлен историческими текстами VI–XV в., созданными преимущественно на территории современной Франции, публиковавшимися там же в прошлом веке в многотомном издании «Коллекция мемуаров, относящихся к истории Франции», и некоторыми современными переводами на русский и французский языки. Это сочинения таких авторов, как Григорий Турский, Фредегар, Ланден, Эйнхард, Теган, Астроном, Видуклинд Корвейский, Эуд, Уго де Флёри, Вильям Мальмсберийский, Гвиберт Ножанский, Ригор, Гийом ле Бретон, Робер де Клари, Жоффруа де Виллардуэн, Гийом де Нанжи, Жан Фруассар, Пьер де Фенен, Филипп де Коммин, а также ряд анонимных жизнеописаний, хроник и анналов. Для прояснения некоторых моментов использовались тексты более ранних римских авторов и византийских историков.

В ходе анализа однотипных источников (исторических сочинений), принадлежащих одной культуре, взятой в ее развитии (Франция VI–XV вв.), были выделены следующие черты поведения в ходе военных действий, повторяющиеся в течение всего периода в ареале распространения данной культуры: (1) не обусловленная военной необходимостью деструкция, (2) квазипраздничное обличье, (3) дифференциация участников сражения по рангам и их различное пространственное расположение на поле сражения, (4) наложение сакрального на поведение.

Под деструкцией мы понимаем разрушения, поджоги, разграбления, массовые убийства людей, не вызванные прямой военной необходимостью или не адекватные такой необходимости, подчас совершаемые во вред себе. Схема снятия тревожности строится на противопос-

тавлении *мы* — *чужие*. Данное противопоставление является основным противопоставлением ритуала вообще, роль которого и заключается в снятии напряженности между этими двумя мирами. Опасность идет извне. Ликвидировать ее или даже саму возможность внешней опасности можно за счет тотального удаления второго члена оппозиции, а значит и самой оппозиции, когда остается только *мы*. Причем чем тотальнее уничтожение, тем спокойнее *мы*, подразумевающее всегда конкретное *Я*. Экономико-стратегические соображения и просто человеческая алчность, накладываясь на стремление к снятию тревожности, закрепляет данное поведение. Деструкция становится ритуализованным поведением и осуществляется ради достижения психологического равновесия автоматически, без учета возможных последствий. Данная черта поведения имеет соответствующую параллель в архаичском ритуале. Композиционный и семантический центр ритуала, его главный, тайный нерв составляют жертва и жертвоприношение. При этом жертва связана со священным и с его противоположностью — преступлением. Жертвоприношение самым тесным образом связано с насилием, но это насилие ведет к святости, жертва становится священной. Здесь мы встречаемся с двойственностью (точнее с недифференцированным единством), присущей ситуации кризиса, характерной для ритуала. В ситуации реальной, в частности средневековой, войны мы видим как убийство «облагораживается», становится источником славы, гордости, самоуважения.

Следующая черта средневековой войны — квазипраздничное обличье боевых действий. В архаике с помощью ритуала решается главная задача — гарантия выживания коллектива. Ритуал совершается в экстремальных условиях, когда угрозы безопасности жизни и миру максимальны, когда невидимый мир вторгается в повседневность. В этом состоянии предельно возрастают такие негативные эмоции, как беспокойство, тревога, угнетенность, печаль, тоска, отчаяние, страх, ужас. Исходя из данности, ритуал приводит к некоему оптимальному состоянию, чему сопутствует взрыв положительных эмоций. Кризисная ситуация вырывает из обыденности и это описывается оппозицией будни-праздник. Зафиксированные у средневековых авторов квазипраздничные черты западноевропейской войны, разворачивающейся в кризисной, по определению, ситуации (яркие цвета флагов и флажков на пиках, яркость одежд, музыкальное сопровождение, переодевания, карнавальное переворачивание, опускание вышестоящих на уровень нижестоя-

щих), и родство праздника с кризисом дает нам, как кажется, основание провести прямую аналогию с соответствующей чертой ритуала вообще. Кстати, значительную роль в архаическом ритуале играют наиболее интенсивные (сияющие) цвета, в особенности пурпурный, золотой. То же явление характерно и для западноевропейской геральдики, т. е. для спектра цветов, активно использующихся в сражении.

Третья черта — дифференциация участников сражения по рангам и их различное пространственное расположение. Географическое пространство сражения образует особое пространство или пространство, воспринимаемое особым образом. То, что допускается в условиях войны, неприемлемо в условиях мира. Такое разделение пространства в архаических обществах приобретает характер деления на сакральное и профанное. Мы полагаем, что сущность ритуала коренится в глубинах человеческой психики. Отказываясь тесно привязывать ритуал к сакральному, мы иначе воспринимаем и дихотомию пространства, считая позволительным использовать в чисто операциональном плане данную оппозицию из этнографических описаний и выводов для проведения параллелей к средневековой реальности войны. Для архаического сознания пространство является в принципе негомогенным. Высшей ценностью является центр мира, символизируемый мировой осью, мировым деревом, мировой горой, тронном, алтарем и т. д. Эти сакральные точки связывают землю и человека с небом и творцом и с тем, что произошло «в начале», в момент творения, отмеченный высшей энергетической концентрацией. Все пространство воспринимается как серия входящих друг в друга концентрических пространственных кругов, становящихся по мере удаления от центра все менее сакральными. Пространство средневекового сражения — это не просто пространственный круг, отличный от мирного пространства. Мы зафиксировали, что чем выше ранг участника, тем его место ближе к фронту построения (даже вопреки тактической целесообразности) или к центру пространства войны. Концентричность пространства, характерная для архаичных представлений и отражающаяся в ритуале, присутствует и здесь. В кризисные моменты пространство меняет свои характеристики — прямо в сакральном центре начинается вестись борьба с хаосом, который становится одновременно и центром хаотических сил. В это время отменяются прежние правила. По В. Тэрнеру, коммунитас (состояние недифференцированности) вторгается в структуру. Отмеченное нами явление спешивания конных воинов, не вызванное прямой военной необходимостью, является, по нашему мнению, отражением этого.

Помимо жертвоприношения, другим центральным элементом ритуала является молитва — прямое обращение к божественному. Мы отметили эту черту применительно к средневековой войне как наложение сакрального на поведение. Конечная цель таких обращений — снять тревожность и получить некое благо. В ходе войны мы наблюдаем как прямую молитву, так и сакрально отмеченные воинские кличи, использование в сражении сакральных предметов (крестов, хоругвей и др.), методов аскезы (с удалением из лагеря женщин легкого поведения).

Все отмеченные нами черты поведенческого стереотипа в средневековой западноевропейской войне всегда встречаются в комплексе, находят аналогии в архаическом ритуале и рассматриваются как ритуал.

Исходя из этнографических аналогий и теоретических предпосылок модели, феномен интерпретируется, как результат стремления снять психологическую напряженность путем создания искусственной упорядоченности протекания процесса, в реальности отличающегося высокой степенью неопределенности.

Ритуальные действия несут смысл, понимаемый как актуальный или потенциальный миф. Соотношение ритуала и мифа рассматривается как соотношение формы и содержания, что снимает вопрос о первичности. Ритуал и миф являются отражением таких модусов мышления, как ритуализация и мифологизация.

Практические следствия из данного понимания могут быть использованы для продолжения исследования средневекового воинского сознания. На основе построения более объемной и информативной исходной модели, описывающей данный ритуально-мифологический комплекс, можно попробовать не просто выявить с ее помощью черты конкретного ритуала, но и реконструировать «миф средневековой войны».